

На следующее утро, в школе, занятия в первой половине дня закончились в 12:10, после пятого урока.

Как только прозвенел звонок, ученики всех учебных корпусов высыпали из классов, словно зомби, вырвавшиеся на свободу, неся в руках миски и стремительно направляясь к столовым.

Прошло всего несколько минут — и большая часть школьников уже собралась у столовой.

Те, кто бежал быстрее всех, уже успели получить еду. Некоторые из них собирались унести свои подносы обратно в класс, но, выйдя из столовой, их взгляд тут же привлёк красный баннер, развешанный на площади перед зданием.

— Эй, этот баннер же только что появился? — удивлённо обратился один из учеников к своему товарищу.

— Понятия не имею, — тоже удивился тот. — Мне почему-то кажется, что его раньше не было. Он же такой яркий — если бы висел тут и раньше, мы бы точно заметили... Хотя, с другой стороны, когда бежишь за едой, не до того. Могли просто не обратить внимания.

— Ну да... Но баннер-то странный какой-то. «Тридцать — встать на ноги... С днём рождения, Ло Хэфэн»? Это кто вообще? Учитель, что ли?

— Есть у нас такой учитель? Я что-то не припоминаю. Хотя имя и правда звучит как из романа, хахаха.

— Какой ещё учитель достаивается баннера ко дню рождения от школы? Такого вроде раньше не было. Может, это сын директора? Хотя у директора вроде фамилия другая...

— Эй-эй, смотрите! Там дальше что-то ещё написано!!!

— Офигеть, донос! Причём анонимный! Первый раз слышу про анонимный донос, обычно же требуют с подписью.

— Эээ... «Анонимно сообщаем, что учащиеся выпускного класса Ло Гунью и Цзян Чэнчэн находятся в романтических отношениях, демонстрируют недобросовестное отношение к учёбе и не имеют чётких целей. Рекомендуем исключить...» Эй, тут всё блестит, у меня очков нет, плохо вижу. После имени Ло Гунью там какой-то значок добавления, и мелкий текст ещё вроде?

— Ага-ага, если читать с припиской, то получается «Младшая сестра Ло Гунью — Ло Суйюнь». И даже скобки подписали: «Извините, сначала ошибся». Так что на самом деле речь о Ло Суйюнь и Цзян Чэнчэне.

— Ого, Цзян Чэнчэн — это тот самый школьный задира, который вечно в баскетбол гоняет? А Ло Суйюнь я помню — она всегда в числе лучших по успеваемости, красивая ещё такая. Ло Суйюнь влюбилась? Да ещё и в такого, как Цзян Чэнчэн... Хотя он, конечно, тоже симпатичный, но ведь за драки его уже вызывали на разборки, да?

— Но, если честно, они вместе — ну прям очень красивая пара: он красавчик, она красавица.

— Сейчас, кажется, не время обсуждать, подходят ли они друг другу — на них же жалобу подали!

— Да брось, из-за школьной любви не выгоняют. Тем более скоро же экзамены.

— А что вообще за баннер такой? Тут тебе и поздравление с днюхой, и анонимный донос, и аж четыре имени всплыло. Ло Гунью — это старшая сестра Ло Суйюнь, что ли? А кто вообще знает, как зовут её сестру? И кто тогда такой Ло Хэфэн? Они все родственники? Ничего не понятно! Бесит, как будто заварили доширак, а про соус забыли!

— Но почерк красивый, да? Наверняка вручную писали.

— Ну да, там же значок добавления стоит — точно от руки писали.

— И блёстки, вы видели? Такое старание, ну прям вложил человек.

— Эээ... Такой старательный анонимный донос — это уж слишком странно, — пробормотал кто-то.

Неподалёку Ло Цяньцзянь с удовлетворением смотрел на развевающийся на ветру красный баннер.

Рядом с ним стоял весёлый мальчишка лет семнадцати-восемнадцати, сияя от радости:

— Вот теперь моя мама точно будет в шоке. Посмотрим, как этот Цзян Чэнчэн теперь будет выпендриваться!

Ло Цяньцзянь тихо рассмеялся.

Этого парня звали Цзян Ши. Хотя у него с Цзян Чэнчэном не было кровного родства, по документам он числился его младшим братом.

Цзян Чэнчэн, как полагается мужскому герою с таким проблемным школьным антуражем, имел за плечами классически мыльную семейную драму. Всё по шаблону — как у Бай Юйшэна:

паршивый отец, алкоголик и домашний тиран.

Только в отличие от семьи Бай, мать Цзян Чэнчэна вовремя решила всё прекратить — ушла, даже не попытавшись забрать сына. А его отец с виду был приличным человеком, да ещё и не имел долгов от азартных игр, так что быстро и без проблем женился снова.

После пяти лет Цзян Чэнчэн больше не видел родную мать. Через месяц после развода отец уже привёл в дом мачеху, а с ней и сына — мальчика примерно одного возраста с Цзян Чэнчэном.

Отец Цзян Чэнчэна тщательно выбирал новую жену — выбрал настоящую героиню трагической драмы: та, что готова страдать, но при этом нести добро и свет до последнего.

Сразу после создания новой семьи, мачеха, стремясь к «гармонии» в доме, не посоветовавшись с родным сыном, сама предложила поменять его фамилию на Цзян.

Далее — больше: чтобы показать свою доброту и беспристрастность, она начала особенно заботливо относиться к пасынку, во всём потакая ему, при этом не стесняясь ущемлять и ограничивать собственного сына. Даже несмотря на то, что Цзян Чэнчэн в ответ не проявлял к ней ни капли тепла, мачеха всё равно встречала его с неизменной материнской улыбкой.

Когда-то Цзян Ши ещё надеялся на материнскую любовь, но спустя несколько лет окончательно смирился с истиной: есть отчим — будет и «отчимская мать». Он понял, что Цзян Чэнчэн со своей мачехой устроен куда лучше, чем он с собственной мамой. Тогда он тоже начал бунтовать, но никому не было до этого дела.

После второго брака отец Цзян Чэнчэна не бросил свою пагубную привычку: пил, пропадал ночами, домой не возвращался. Его жена — мать Цзян Ши — боялась ему перечить, и всё чаще молчала. Так, в итоге, однажды отец напился и замёрз насмерть прямо на улице посреди зимы. Никто не заметил, никто не спас.

После его смерти мать Цзян Ши одновременно ощущала, что небо рухнуло, и всё же, не жалея сил, взяла на себя заботу о доме: продолжила ухаживать за бабушкой и дедушкой из семьи покойного мужа, присматривала за пасынком Цзян Чэнчэном, и даже стала относиться к ним ещё лучше, чтобы никто не мог сказать о ней дурного слова.

Но семейный бюджет был и так на пределе. Если где-то прибавлялось, то где-то обязательно убавлялось. Так что жизнь Цзян Ши стала ещё скромнее. И ненависти к этим «родным» у него становилось только больше.

На момент смерти отца и Цзян Чэнчэн, и Цзян Ши были в средней школе. Оба учились плохо и вели себя вызывающе, но в последний месяц перед вступительными экзаменами Цзян Чэнчэн немного поднажал и еле-еле прошёл в престижную городскую старшую школу. А Цзян Ши смог поступить лишь в самую обычную.

После окончания обязательного школьного этапа образование стало требовать больше денег. К тому же летом выяснилось, что у дедушки и бабушки рак — обеим бабушкам срочно требовалось лечение, а рядом должен был быть кто-то, кто за ними присмотрит.

И вот тогда мать Цзян Ши сказала ему:

— Сяо Ши, у нас в семье совсем нет денег. Мы не сможем оплачивать учёбу вам обоим. Твой брат учится лучше, да и с родителями ему не повезло... Ты ведь младший, уступи ему. Пусть он учится, а ты останься дома со мной. Бабушка с дедушкой болеют, ты сможешь подать им воды, присмотреть... Мне будет легче...

Цзян Ши был просто в бешенстве. Но в итоге согласился.

Не потому что пожалел мать — а скорее из чувства злости и протеста. В душе у него уже тогда крепло: «Ты ещё пожалеешь, что так со мной поступила». Хотелось доказать, что он взрослее и сильнее Цзян Чэнчэна, что он не нуждается в семье, которая его не ценит.

Но в том возрасте всё ещё казалось простым, а понятие «образование» — далёким и абстрактным. Поступок был скорее эмоциональным, глупым, но болезненно искренним.

Сейчас Цзян Ши всего-то семнадцать-восемнадцать лет. Сказать точно, жалеет он о своём выборе или нет, трудно, но в одном он был уверен: он ненавидит всех в этой семье. Особенно Цзян Чэнчэна, который получил все блага, но при этом ходил с таким видом, будто самый несчастный человек на свете.

В голове у Цзян Чэнчэна всё выглядело так: в детстве его бросила мать, отец почти сразу женился на лицемерной женщине, а у той был сын, с которым он не ладил. Отец во всём поддерживал мачеху, а ему твердил, что он не умеет ценить хорошее отношение. Потом отец умер, и Цзян Чэнчэн остался ни с чем, был вынужден жить на птичьих правах, постоянно терпеть косые взгляды от "сводного брата", с которым у него даже не было общего рода. Вся жизнь пошла наперекосяк — как тут не стать грубым и озлобленным, как не начать ненавидеть учёбу и не превратиться в главного хулигана и неудачника школы? Всё это — вина проклятого дома!

Цзян Ши в такие моменты просто мечтал убить Цзян Чэнчэна, но в нём ещё теплилась капля разума — он не хотел становиться убийцей. Оставалось только глотать злобу и сжимать зубы.

Поэтому, когда сегодня утром Ло Цяньцзянь подошёл к нему с просьбой о помощи, Цзян Ши не колебался — согласился сразу.

Особенно его вдохновила последняя фраза на баннере — "Исключить!" Исключить! Да пожалуйста, хоть бы его выгнали!

Ло Цяньцзянь тоже с довольным видом любовался баннером. Он смотрел, как всё больше людей его замечают, и вот, наконец, до дела добралось и руководство школы — баннер сняли.

— Кто это сделал?! Кто-нибудь видел? — доносился раздражённый голос.

— Никто не видел, тут ведь камер нет... Может, этих двоих опросим? Такое чувство, что кто-то, кто их хорошо знает, всё устроил. Только посмотрите, что на баннере написано — не похоже на дело постороннего.

— "Убийца"? Прямо как будто тут кого-то убили... Эх, скоро же выпускные экзамены, а тут такая ерунда...

Цзян Ши, услышав разговоры представителей школы, обернулся к Ло Цяньцзяню:

— Эй, ты правда брат той, с кем у Цзян Чэнчэна был роман? Ты же так всё раздуваешь, а как дома объяснять будешь? Баннер ты этот повесил ну слишком в лоб. Хоть бы не так топорно, а то ведь сразу видно, что это кто-то из ваших устроил.

Ло Цяньцзянь с улыбкой ответил:

— Добрые дела надо делать с подписью. А то вдруг дома не поймут, что это я сделал?

Цзян Ши непонимающе замер.

Ло Цяньцзянь добавил:

— Не беспокойся. Через минуту сам пойду "признаваться". Разве есть чего бояться?

— А мне чего бояться? Я ведь даже не ученик этой школы, что мне сделают — отчислят, что ли? — фыркнул Цзян Ши, потом с энтузиазмом добавил: — Я обязательно натравлю всё на Цзян Чэнчэна! Не переживай, ты мне хорошую службу сослужил, я тебя не сдам. Уж в этом можешь быть уверен — я, если и ничем другим не блещу, то уж в верности точно.

— А если сдашь, тоже ничего, — невозмутимо сказал Ло Цяньцзянь.

Он был из тех, кто, когда речь идёт о близких, готов сам закатать рукава. Но и зря напрягаться он не любил — вешать баннер аккуратно, да ещё и в нужный момент — дело непростое. Тут нужна была помощь. И тут он сразу вспомнил про Цзян Ши — у того с Цзян Чэнчэном старая счётная книга.

Цзян Ши не только способен вешать баннеры — его враждебность к Цзян Чэнчэну прямо-таки

превращалась в боевой дух, и атаки у него выходили что надо.

А вот Ло Цяньцзянь по натуре был ленивым, не горел желанием становиться главным «ударником» в каком бы то ни было деле, и наличие Цзян Ши оказалось как нельзя кстати.

— Когда с этим делом покончим, — не спеша сказал он Цзян Ши, — брось ты уже бодаться с Цзян Чэнчэном и матерью. Время теряешь. Лучше вернись к учёбе. Я помогу устроиться в школу, заплачу за учёбу и проживание на пять лет. Как тебе такое?

Цзян Ши уставился на него с растерянным видом и, когда заговорил, начал запинаться:

— Но... я... ну... я учусь плохо... у меня же совсем всё плохо с учёбой...

Ло Цяньцзянь кивнул, по-прежнему спокойно:

— Поэтому я и не буду лезть в твою будущую учёбу. Сможешь ли ты дотянуть до выпускных, что там с баллами будет — это уже не моё дело. У меня нет ни времени, ни желания следить за жизнью незнакомого мне человека. Даже если ты решишь, что учёба — пустая трата времени, и пойдёшь потратить эти деньги на что-то другое — это будет только твой выбор.

Цзян Ши прикусил губу:

— Но... найти школу, платить за меня целых пять лет — это же много... А Цзян Чэнчэн с твоей сестрой ведь встречаются. Ладно, я с ним не в ладах, но то, что он натворил, ко мне не имеет отношения. Я ведь просто баннер повесил, и всё... Даже не знаю, что я сейчас говорю... Просто... почему ты вообще хочешь мне помочь?

Ло Цяньцзянь посмотрел на стоящее неподалёку дерево и тихо ответил:

— Для меня это несложно. И деньги небольшие. Ты пришёл помочь мне сегодня — мне это понравилось. И, знаешь, мне бы хотелось, чтобы в будущем ты стал человеком получше, чем Цзян Чэнчэн... Вон, баннер уже унесли, иди, тебе пора. Я потом подойду — хочу посмотреть, что будет.

Цзян Ши обернулся к отдаляющимся сотрудникам школы, потом поспешно сказал:

— Тогда... спасибо тебе. Когда заработаю, обязательно всё верну. Ладно, я пошёл.

Он торопливо побежал вслед за теми, кто унёс баннер, и уже издали начал кричать:

— Эй! Вы чего это мой баннер снимаете?!

А Ло Цяньцзянь неспешно зашагал следом.

В это время Ло Суйюнь ещё не знала, что происходит. Обед ей всегда приносили из дома, она никогда не бегала в столовую — каждый день ела одна в беседке возле корпуса.

Цзян Чэнчэн тоже не ходил в столовую, но не потому, что у него был домашний обед — по образу он был бедным хулиганом. Чтобы не тратить деньги на еду, он ел с подачек своих «младших» — те приносили ему еду, кто конфету, кто булочку, и так он как-то балансировал рацион.

Разумеется, эти «младшие» быстро заметили баннер на площади у столовой и рассказали ему про весь сыр-бор.

Цзян Чэнчэн, услышав это, сразу напрягся. Первым порывом было — поговорить с Ло Суйюнь. Но он тут же остановился — вдруг их кто-то увидит, тогда вообще оправдаться будет невозможно.

Он колебался, и в этот момент у двери класса показался их классный руководитель с серьёзным лицом:

— Цзян Чэнчэн, выйди, пожалуйста.

Ученики в классе тут же начали перешёптываться. Все сразу догадались, что это из-за того самого баннера и подозрения на ранние отношения. Но, попавшись на взгляд учителя, быстро утихли.

Цзян Чэнчэн был приведён напрямиком в кабинет завуча старших классов.

Увидев внутри Цзян Ши, он сначала опешил, а потом его лицо стало ещё холоднее и мрачнее.

— Ты чего тут делаешь? — спросил он раздражённо, даже не заботясь о том, что рядом были и завуч, и классный.

В конце концов, он же был местной легендой — школьный хулиган, с которым все учителя давно смирились. Ему было всё равно, как он выглядит в глазах преподавателей.

Цзян Чэнчэну было плевать, а Цзян Ши и подавно.

— Я повесил баннер! — с яростью сказал Цзян Ши. — Рекламирал ваши ранние отношения. Ты просто бесстыдник! Моя мама вкалывает, чтобы обеспечить тебе, своему приёмному сыночку, учёбу. Ты не только ужасно учишься, но ещё и встречаешься с девчонками! Тебя давно уже выгнать надо!

Цзян Чэнчэн злобно уставился на него:

— Это ты повесил баннер?!

Цзян Ши в ответ уставился не менее зло:

— Ага! Место сам выбрал, лично повесил! Хочешь, покажу? — сказал он и потянулся к баннеру, лежащему на чайном столике в кабинете завуча, собираясь его развернуть.

Завуч, у которого уже начинала отступать линия роста волос, поспешно вмешался:

— Хватит, не шумите! Я вас сюда позвал, чтобы решить проблему, а не усугубить её. Цзян Чэнчэн, этот молодой человек утверждает, что он твой сводный брат. Насколько я понимаю, это правда?

Цзян Чэнчэн нехотя кивнул.

— Хорошо. Повторюсь: прекратите ссориться. Я уже связался с классным руководителем Ло Суйюнь, как только они подойдут — сядем и всё спокойно обсудим, — сказал завуч.

Услышав, что Ло Суйюнь тоже позвали, Цзян Чэнчэн наконец по-настоящему забеспокоился.

Завуч и его классный руководитель, учитель Чжоу, увидев это, тяжело вздохнули. Всё стало ясно — похоже, история с ранними отношениями подтверждается.

Учителя и сами были не в восторге. Они, конечно, не поощряли школьные романы, особенно между отличницей, такой как Ло Суйюнь, и «проблемным учеником» вроде Цзян Чэнчэна. Но если бы всё это происходило втихаря, они, учитывая приближающийся выпускной экзамен, предпочли бы закрыть глаза — лишь бы не навредить подготовке.

Но теперь, когда вся школа наверняка уже обсуждает этот баннер, закрыть глаза стало невозможно.

Ло Суйюнь не оказалось в классе, и её классной руководительнице, учительнице Цинь, понадобилось больше времени, чтобы её найти и привести.

Пока ждали, завуч вдруг обратился к Цзян Ши с мягким интересом:

— Цзян Ши, ты сказал, что не наш ученик. А из какой ты школы? Ты ведь, наверное, тоже старшеклассник? Сегодня же понедельник — почему ты не в школе? И как вообще попал на нашу территорию?

Обычно посторонним попасть в школу нельзя — у ворот дежурит охрана, и если человек не из этой школы и у него нет уважительной причины, его не пустят.

Цзян Ши, не желая выдавать Ло Цяньцзяня, совершенно спокойно соврал:

— А я просто за кем-то прошёл — так и проскочил!

Не давая завучу времени задать лишние вопросы, он тут же добавил:

— А школу я бросил ещё после девятого класса! Сегодня был свободен. Почему не учусь? Да всё благодаря вот этому моему братцу Цзян Чэнчэну. У нас в семье денег не хватает, и чтобы он, приёмный сын, мог продолжать учёбу, моя мама решила, что её родной сын должен остаться без школы! Смешно, да?

Завуч и учитель Чжоу невольно замолчали.

Цзян Чэнчэн скрипнул зубами:

— Сам же тогда экзамен провалил...

— Но я всё равно прошёл в обычную государственную школу! — парировал Цзян Ши. — Если бы не ты, моя мама не отказалась бы платить за мою учёбу! Если бы не твои родные бабушка с дедушкой заболели, она бы не сказала, что я должен сидеть с ними дома!

Он фыркнул.

Цзян Чэнчэн хотел было что-то сказать в ответ, но в этот момент в дверь постучали. Вошли Ло Суйюнь и её классная руководительница, учительница Цинь.

По дороге в кабинет завуча Ло Суйюнь уже была в курсе происходящего — учительница Цинь вкратце рассказала ей, что случилось. Настроение у неё было мрачное, внутри всё бурлило, а в голове крутилась одна мысль: неужели это как-то связано с Ло Цяньцзянем?

Вспомнив недавнюю резкую перемену в поведении брата, Ло Суйюнь окончательно рассталась со своим прежним представлением о нём. На душе стало совсем тяжело — ведь он как раз вчера уверял её, что сегодня всё уладит и поможет ей расстаться с Цзян Чэнчэном. Неужели *вот так* он это решил?

Когда она вошла в кабинет и увидела тот самый баннер, сердце её упало.

На сто процентов дело рук Ло Цяньцзяня. Она была уверена.

Хоть она и не знала его почерка, но помнила, что этот её третий брат в своё время занимался каллиграфией — причём у него это хорошо получалось.

Хотя Цзян Ши и твердил, что всё сделал сам, и даже утверждал, будто надпись кистью заказал у уличного каллиграфа, он так и не смог объяснить, почему на баннере случайно оказалось поздравление с тридцатилетием для Ло Хэфэна, и как там "по ошибке" всплыло имя Ло Гунъю.

Завуч и два классных руководителя хотели свести конфликт к минимуму. Хотя оставались вопросы, им не хотелось рыться глубже. Ло Суйюнь тоже не горела желанием усложнять ситуацию в стенах школы, поэтому промолчала.

Цзян Чэнчэн вроде как хотел всё вытянуть наружу и прицепиться к Цзян Ши, но, заметив выражение лица Ло Суйюнь, решил пока «смириться с несправедливостью» и не начинать.

Цзян Ши, выговорившись, снова обрушился на завуча и двух классных:

— Ну и что теперь с моим доносом? — спросил он. — У вас за ранние отношения разве не отчисляют?

Он явно был заиклен на том, чтобы Цзян Чэнчэна выгнали.

Завуч тяжело вздохнул:

— До отчисления дело не дойдёт...

Цзян Ши нахмурился:

— Ну а как минимум выговор будет? Они же устроили такой скандал — как вы другим ученикам это объясните?

Цзян Чэнчэн скрипнул зубами:

— Да это ты скандал устроил!

Цзян Ши усмехнулся.

Завуч был в затруднении, оба классных руководителя тоже. По-хорошему, им бы замять всё это ради подготовки к экзаменам, но Цзян Ши явно был настроен решительно — если школа не даст ему удовлетворяющего ответа, не исключено, что он в следующий раз опять пройдёт в школу и снова устроит шоу с баннером.

Если бы это случилось один раз, ученики бы просто посмеялись и забыли. Но если такое начнёт повторяться — в серых школьных буднях это станет настоящей сенсацией, которую уже не проигнорируешь.

Ло Суйюнь сама не ожидала, что дело зайдёт так далеко. Если бы знала, что всё выйдет из-под контроля, лучше бы сама сказала Цзян Чэнчэну, что хочет расстаться.

— Мы не встречаемся, — вдруг сказал Цзян Чэнчэн.

Все на секунду замерли — даже Ло Суйюнь.

Он снова взглянул на неё, на слезинки в уголках её глаз, и сжав зубы продолжил:

— Кто сказал, что у нас роман? Только потому что Цзян Ши повесил баннер? Он что, судья? Он сын моей мачехи, у нас с ним с детства плохие отношения. Он всё это устроил нарочно, чтобы навредить мне!

Завуч и два классных руководителя погрузились в молчание — ведь по сути, Цзян Ши так и не предъявил никаких реальных доказательств.

Но и новенькими в профессии они давно не были — по выражению лиц, реакции и поведению Цзян Чэнчэна и Ло Суйюнь всё и так было ясно.

Особенно когда они раньше даже не стали отрицать. Это уже само по себе говорило о многом. Преподаватели не стали напрямую спрашивать "вы встречаетесь?", стараясь сохранить ученикам лицо, но не ожидали, что Цзян Чэнчэн теперь вдруг решит всё отрицать.

С одной стороны, врать — нехорошо. Но... надо признать: так ситуацию будет куда проще уладить.

— Правда? А ты как думаешь, Ло Суйюнь? — завуч мягко посмотрела на девушку.

Ло Суйюнь мельком глянула на Цзян Чэнчэна, а потом кивнула:

— Да, учитель, у меня с Цзяном никаких отношений нет. Просто... я так испугалась из-за всей этой шумихи, что даже забыла возразить. Простите...

— Ничего страшного, — сказала завуч с облегчением. — Раз вы оба утверждаете, что ничего нет, мы вам верим. Всё-таки школа — это место для учёбы. Особенно сейчас, когда до экзаменов остаётся так мало времени. Уверена, вы оба серьёзно настроены на подготовку и не будете отвлекаться.

Затем она повернулась к "доносчику" Цзян Ши, по-прежнему стараясь говорить спокойно:

— Ну, Цзян Ши, в таком случае...

Цзян Ши пожал плечами:

— Они не признаются — я тут ничего не могу сделать. Но баннер-то уже висел, столько учеников его видели. Наверное, стоит выпустить объявление, что между Цзян Чэнчэнем и Ло Суйюнь никаких отношений нет?

Завучу стало неловко — делать официальное заявление по такому поводу было бы явным перебором.

Цзян Чэнчэн скрипнул зубами:

— Цзян Ши, ты обязательно должен так делать?

Цзян Ши поднял подбородок и уставился на него.

Цзян Чэнчэн с ненавистью произнёс:

— Ладно, ты просто хочешь испортить мне жизнь, да? Хорошо, не надо никакого заявления от школы — сам напишу опровержение и повешу его на школьной доске объявлений. Устроит?

Цзян Ши нехотя кивнул:

— Ну, допустим. Можешь писать прямо здесь.

Цзян Чэнчэн сжал кулаки.

Чтобы поскорее покончить с этой историей, он всё же написал — и стиль был вполне в духе школьного хулигана:

"Кто сказал, что у меня роман? С такой правильной занудой я бы и встречаться не стал! Кто ещё раз распушит слухи — берегитесь, я с вами разберусь!"

Завуч и классные руководители переглянулись с напряжёнными лицами.

Ло Суйюнь прикусила губу.

Хотя Ло Суйюнь понимала, что Цзян Чэнчэн написал ту записку, чтобы окончательно обозначить границы, и такой тон соответствовал его показному образу, всё равно её кольнуло в сердце — стало неприятно и тяжело.

— Учителя, раз уж это больше меня не касается, я тогда пойду, — сдержанно и упрямо сказала Ло Суйюнь.

Получив одобрителный кивок от классной руководительницы, она повернулась и вышла из кабинета, не оборачиваясь.

Неожиданно, прямо у входа, в коридоре, она увидела Ло Цяньцзяня.

Он смотрел на неё с лёгкой, сдержанной улыбкой, вежливо поздоровался и тихо сказал:

— Суйюнь.

Лицо Ло Суйюнь моментально омрачилось. Она не ответила, отвернулась и быстро зашагала прочь.

Но, пройдя всего несколько метров, она заметила, что Ло Цяньцзянь не последовал за ней, не пытался объяснить, а продолжал стоять на месте — явно прислушиваясь к тому, что происходило в кабинете.

Ло Суйюнь с досады топнула ногой, затем, приглушив шаги, быстро вернулась:

— Третий брат, пойдём в другое место поговорим.

Ло Цяньцзянь же указал на кабинет:

— Цзян Чэнчэн с Цзян Ши всё ещё спорят.

Ло Суйюнь была готова разрыдаться от злости:

— Третий брат!

Он вздохнул:

— Ладно, веди.

Она повела его в беседку, где обычно обедала, и, закипая от возмущения, резко спросила:

— Третий брат, зачем ты так поступил? Ты ведь сам сказал, что поможешь мне решить этот вопрос! Обещал, что не расскажешь родителям!

Ло Цяньцзянь спокойно сел и с удивлением произнёс:

— Я и не рассказывал.

— Но ты заказал баннер! Это даже хуже, чем рассказать семье! Ты... ты нарочно хотел меня опозорить! Третий брат, как ты мог?! Не прикидывайся — тот баннер был с дня рождения старшего брата, каллиграфия — твоя, а имя второй сестры вообще только ты мог вписать! Это ты всё организовал вместе с Цзян Ши!

Ло Цяньцзянь смотрел на неё с лёгкой растерянностью, будто не понимал, почему она так возмущена. Но голос у него оставался мягким:

— А что, разве сейчас всё не решилось? Цзян Чэнчэн публично заявил, что у вас нет отношений. Теперь вы официально расстались.

Ло Суйюнь впервые по-настоящему поняла, как трудно приходится их родителям, старшему брату и второй сестре, когда те сталкиваются с Ло Цяньцзянем.

— Третий брат, ты можешь, пожалуйста, не прикидываться?! Если у тебя есть ко мне претензии — скажи прямо! Если ты был против моих отношений, мог просто не соглашаться помогать. Мог сразу рассказать всё родителям! Но зачем устраивать такой скандал в школе?!

Она чуть не зашвырнула что-нибудь от злости, но под рукой не оказалось ничего подходящего.

Ло Цяньцзянь снова спокойно заговорил, как будто искренне не понимал, в чём проблема:

— Я же не отказался помочь. И родителям не докладывал. Я помню, что обещал. Может, я опять что-то сделал не так? Но ведь главное — результат. Вы с Цзян Чэнчэном расстались, и всё решилось.

Ло Суйюнь чуть не взорвалась:

— Какое ещё "решилось"?! Я хочу настоящего разрыва! Он сейчас, может, и отрицает, что у нас были отношения, но наверняка считает это временной мерой. Когда снова меня увидит — всё равно будет думать, что мы вместе! Ты вообще понимаешь, о чём речь?!

Ло Цяньцзянь с абсолютно невинным видом сказал:

— Прости. Я никогда не встречался с кем-то, так что правда не очень понимаю все эти тонкости.

Ло Суйюнь: ...

Он спокойно продолжил:

— Но, Суйюнь, подумай сама. Ты ведь говорила, что у тебя всё ещё есть к нему чувства, просто ты боишься, что он слишком увлечётся тобой и помешает тебе подготовиться к экзаменам. А теперь, после всего этого, он точно не будет навязываться и стараться лишний раз с тобой встречаться — чтобы не вызывать подозрений. Так что ты сможешь спокойно готовиться к поступлению.

— После экзаменов ты уйдёшь из школы. Если ты сама не захочешь, он тебя не найдёт и не сможет больше тебя донимать. Даже если бы мы пошли по изначальному плану, и я бы тихо передал ему, что вы расстались — это не помешало бы ему продолжать лезть в твою жизнь, верно? Лучше уж всё так, как есть, на виду. А ещё вы не разругались в лицо — если вдруг однажды захочешь помириться, у тебя останется пространство для манёвра, — Ло Цяньцзянь говорил с явным удовлетворением.

Ло Суйюнь готова была взорваться.

Но, посмотрев на бесстрастное лицо Ло Цяньцзяня, который с самого начала выглядел абсолютно спокойным, она бессильно опустила на скамейку:

— Я ошиблась. Не стоило просить тебя о помощи. От тебя только больше проблем...

Услышав это, Ло Цяньцзянь, похоже, немного разочаровался:

— Знаешь, я столько сил вложил, чтобы тебе помочь, а ты так говоришь... Я ведь сразу сказал, что не справлюсь, но это ты настаивала. Ладно. С этого момента — ни в какие семейные дела я не вмешиваюсь.

С этими словами он встал, собираясь уйти.

— Третий брат... — Ло Суйюнь в панике окликнула его. — Всё ещё не закончилось! Ты не можешь просто уйти! Ты должен помочь мне объясниться с родителями!

— Не могу. Я ведь только мешаю, — не оборачиваясь, он медленно помахал рукой в сторону, давая понять, что не намерен возвращаться.

Ло Суйюнь на этот раз действительно расплакалась от злости — она понятия не имела, как

теперь смотреть в глаза одноклассникам, учителям, и уж тем более — как объясниться с семьёй!

А если снова столкнётся с Цзян Чэнчэном — что тогда делать?! Тот ведь наверняка уже догадался, что баннер — дело рук семьи Ло!

Ло Цяньцзянь не только не помог ей по-настоящему решить проблему, он всё сделал только хуже!

...

В тот же день днём Ло Хэфэн проводил встречу с деловыми партнёрами. После успешного завершения переговоров обе стороны решили поужинать вместе.

По дороге в ресторан один из партнёров, смеясь, обронил:

— Сейчас дети — сущие непоседы. У вас, Ло-генерал, в семье, говорят, много младших — небось сами это хорошо знаете?

Ло Хэфэн насторожился, почувствовав что-то неладное, и начал расспрашивать. В итоге партнёр, оказавшийся человеком прямолинейным, рассказал всё как есть.

Он достал телефон и открыл переписку со своей младшей сестрой, улыбаясь:

— На самом деле ничего серьёзного. Наверное, кто-то из ребят просто пошутил. У меня тоже есть младшая сестра, мы с ней близки. Она учится в той же школе, что и ваша младшая сестра. Увидела — не удержалась, поделилась со мной...

На экране — две фотографии. Передняя и задняя стороны баннера. Ло Хэфэн пригляделся — и обомлел. На баннере — его имя, имя второй сестры Ло Гунью и четвёртой сестры Ло Суйюнь. Все трое — из семьи Ло. Надписи аккуратные, отчётливые.

Ло Хэфэн: ...

В то же время, Ло Гунью тоже узнала об этом — от друзей из своего круга.

— Эй, Юю, твоя сестрёнка Суйюнь тебе ничего не говорила? У меня же брат в том же выпуске, что и ваши. Он только что прислал мне фото: баннер, доска объявлений — я сперва подумала, что он получил какую-то награду и хвастается. А потом присмотрелась... всё с вашей семьёй связано! Блин! Только что осознала: он, зараза, на уроке сидел и фоткал! Всё, выжму из него деньги на карманные расходы!

Ло Гунью, глядя на фото, мрачно помрачнела. У неё было чувство, что эта история к ней вообще не имеет отношения, но её всё равно втащили в неё за уши.

Семья Ло снова стала предметом обсуждения в светских кругах — и всё из-за сплетен.

Сама по себе юношеская влюблённость — не новость. Но если в дело вмешивается родня и устраивает показушные баннеры — это уже действительно интересно.

Как ни крути, свои знают своих. Увидев фотографии баннера с обеих сторон, вся семья Ло первой подумала о Ло Цяньцзяне.

Немного поспрашивав, они выяснили, что именно он незадолго до этого просил у Ло Хэфэна баннер с празднования дня рождения, а также чернила и кисти. Сомнений не осталось.

Ло Чэнь был в ярости, Хэ Жуюн выглядела мрачно. Хотя возвращались домой в разное время, оба почти одновременно появились в доме семьи Ло и тут же направились к Ло Цяньцзяню, чтобы потребовать объяснений.

Он в это время отдыхал на балконе, в развалочку.

Отвечал тоже лениво и без особого энтузиазма.

— Да, это я сделал. Потому что мне так захотелось, — произнёс он, не открывая глаз.

— Ло Цяньцзянь! — закипел Ло Чэнь. — Это что ещё за поведение?!

Тот так и не открыл глаза, его спокойствие делало Ло Чэня похожим на клоуна.

— Не ругайтесь. Мне не нравится, когда кричат, — лениво отозвался Ло Цяньцзянь. — Когда я раздражён, тоже могу наговорить всякого. А я, как вы знаете, не любитель разговоров.

Ло Чэнь и Хэ Жуюнь: ...

<http://bllate.org/book/14857/1321730>